

ДЖУЗЕППЕ МАЦЦИНИ

Публикация Н. Захарьина

Ниже печатаются два письма Огарева к выдающемуся деятелю итальянского национально-освободительного движения Джузеппе Маццини, или *Мадзини** (1805—1872).

Письма публикуются по черновому тексту, находящемуся в одной из записных книжек Огарева. Текст не датирован, но мы располагаем достаточными данными, чтобы определить время работы Огарева и над этими набросками и над тем полемическим выступлением против Маццини, о котором идет речь в публикуемых набросках.

В тексте упоминается брошюра Маццини, вышедшая на нескольких языках в январе — феврале 1865 г. Первое письмо Огарева написано вскоре по прочтении брошюры.

Это подтверждается положением текста в записной книжке: набросок письма к Маццини следует непосредственно за выписками из январских — февральских номеров русских газет. Наконец, в тексте имеются поправки и пометки Герцена. В это время Герцен виделся с Огаревым только в дни своего пребывания в Лондоне — между 22 февраля и 15 марта 1865 г. (XXII, 343). Таким образом, дата первого наброска уточняется: конец февраля — первая половина марта 1865 г. Труднее определить дату второго наброска. Он сделан, несомненно, позже: из текста явствует, что Огарев, уже после того как набросал первое письмо, лично встретился с Маццини, который находился в это время в Лондоне (см. письма Маццини к Н. А. Тучковой-Огаревой, помеченные Лондоном — «Архив Н. А. и Н. П. Огаревых», М., 1930, стр. 18 и сл.). В начале апреля Огарев покинул Лондон и переехал в Женеву (см. XVIII, 73, 74, 75, 82, 83). «Последнее свидание» с Маццини, о котором говорится в письме, происходило, следовательно, в марте или в начале апреля 1865 г., незадолго до отъезда Огарева на континент. Но мы ничего не знаем о том, вскоре ли после этого свидания Огарев возвратился к теме своего спора с Маццини и написал проект второго письма. Текст второго письма в записной книжке следует непосредственно за текстом первого — таким образом, его надлежало бы отнести к марту — апрелю. Но по одному этому признаку датировать документы невозможно. Поэтому мы останавливаемся на дате более приблизительной — не ранее второй половины марта — или шире: весна 1865 г.

Брошюра Маццини, направленная против папы Пия IX, появилась, как мы сказали, в первые месяцы 1865 г. В библиографии произведений Маццини, составленной Джулио Канестрелли (Giulio C a n e s t r e l l i. *Bibliografia degli scritti di Giuseppe Mazzini*. Roma, 1892, 120 нумерованных экземпляров) находим ее описание: «G. Mazzini a Pio IX Papa. Il Piemonte, minacciato e gli accordi segreti. Milano, Coradetti, S. e. C°, 1865, p. 32»**.

Как сообщает тот же библиограф, брошюра была предварительно напечатана в газете «L'Unità italiana». Огарев, владея итальянским языком, мог, конечно, ознакомиться с брошюрой в подлиннике, но вероятнее, что он прочел ее в английском переводе, выпущенном в начале 1865 г. Трюбнером, с которым по делам «Колокола» находился в постоянных сношениях («Adress to Pope Pius IX on his Encyclical Lettre». London, Trübner and C°, 1865, in 16°, p. 24)***.

История брошюры Маццини такова. В декабре 1864 г. папа Пий IX издал энциклику «*quanta cura*» с одновременным опубликованием списка, так называемог

* Правильное произношение *Мадзини* (Mazzini). Сохраняем во всем томе традиционную русскую транскрипцию *Маццини*, употреблявшуюся Герценом и Огаревым. — *Ред.*

** «Дж. Маццини папе Пию IX. Угроза Пьемонту и тайные соглашения. Милан, изд. Корадетти, К. и К°, 1865, стр. 32 (итал.).

*** «Послание папе Пию IX о его энциклике». Лондон, изд. Трюбнера и К°, 1865, в 16 долю, стр. 24 (англ.).

«силлабуса», запрещаемых и осуждаемых им «заблуждений» («Syllabus errorum»). Это был реакционнейший документ, направленный против революционных идей и всех прогрессивных течений научной мысли. «Силлабус» содержал восемьдесят осуждаемых положений и учений.

Маццини выступил со страстным протестом против папской энциклики. Он разоблачил и заклеил *политическую реакционность* выступления папы. Но, будучи сам идеалистом, противником материализма и атеизма, Маццини, естественно, не мог противопоставить средневековой идеологии сколько-нибудь ясную и последовательную систему *теоретических* возражений. Слабость позиции Маццини и отмечает Огарев в первом же публикуемом нами наброске. Он справедливо видит источник теоретической слабости Маццини в его идеализме. Поэтому он предполагает назвать цикл своих возражений — «Письма к идеалисту» («Lettres à un idéaliste»).

Но, посоветовавшись, как всегда, с Герценом, Огарев в тексте письма зачеркнул предполагаемое заглавие задуманного цикла. На рукописи имеется пометка Герцена, — он предложил озаглавить цикл просто: «Письма к Маццини». Огарев согласился.

Публикуемый нами набросок второго письма содержит заявление Огарева о том, что в дальнейших письмах он предполагает заменить полемику «догматическим изложением» своей теории, противоположной взглядам Маццини. Расхождение с Маццини в сфере теории глубоко «печалит» Огарева, «во не может, — как он пишет, — ни повлиять на согласие в (...) практических устремлениях, ни поколебать симпатию», которую он питает к своему корреспонденту.

Публикуемые наброски должны были, повидимому, служить предисловием или послесловием к серии критических писем Огарева о брошюре Маццини. Однако в известной нам части рукописного наследия Огарева ни самой этой серии, ни каких-либо черновых набросков к ней нет. Неизвестны эти наброски и в печати, в публикациях документов из архива Маццини.

Ценность этих отрывочных набросков несомненна. Мы узнаем из них, прежде всего, что в области теоретических философских воззрений Огарев противопоставлял свои материалистические и атеистические взгляды — идеалистическим и религиозным взглядам Маццини.

Мы узнаем, далее, что в области «практических устремлений», т. е. республиканских целей практической революционной работы, Огарев хотя и признавал свое и Герцена «согласие» с Маццини, все же оговаривал глубокое принципиальное различие в самом содержании, задачах и условиях революционной борьбы Италии и России. «Мы не можем расходиться, — пишет Огарев, — в наших [практических] устремлениях; если расхождения и возникают, то не в самих *устремлениях*, но скорее в силу того, что *вещи*, к которым эти устремления приложимы, — различны: положение, вопросы, волнующие наши отечества, их средства — иные». Разумеется, эти расхождения не исключали возможности для Огарева обсуждать с Маццини время от времени различные вопросы самой «техники» подпольной революционной работы.

И действительно, из другого документа, впервые публикуемого в настоящем томе (см. выше), мы узнаем, что Огарев и деятели «Земли и Воли» пользовались техническими средствами и конспиративным революционным опытом, выработанными Маццини.

В печатаемых письмах Огарев подчеркивал противоположность теоретической основы своей деятельности взглядам Маццини. Огарев придавал громадное значение теории: «Я теоретический вопрос ставлю очень высоко. Он страшно важен. Он d'emblée* очерчивает весь кругозор», — писал Огарев в 1862 г. (см. наст. том, стр. 810).

В теории он видел обоснование революционной практики. Начиная с середины шестидесятых годов Огарев особенно упорно размышлял над тем, как применить материалистическую теорию к главнейшим вопросам революционного движения.

Необходимо отметить, однако, что Огарев, как и Герцен, часто употреблял вместо понятий «материализм», «материалистическое познание», термины: «реализм», «реаль-

* сразу (франц.).

ное», «действительное» знание и т. п. Говоря о себе, как о мыслителе, признающем «лишь то, что есть», указывая на отсутствие «реальности» в принципах Маццини, Огарев, несмотря на сбивчивость своей терминологии, отвергал с позиций материалиста всю сумму идеалистических и «спиритуалистических» воззрений, пропагандировавшихся Маццини.

ДЖУЗЕППЕ МАЦЦИНИ

Глава римского триумvirата, 1849 г.

Литография

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

Публикуемые письма свидетельствуют, наконец, что Огарев и в 1865 г. ставил перед собой давно уже возникшую перед ним задачу — изложить *систему* своих теоретических воззрений. В какой мере был исполнен этот замысел — остается неизвестным. Напомним только, что 1 мая 1868 г. Герцен спрашивал у Огарева: «Что ты поправил или переписал твоё *посмертное письмо*?» (XX, 266; курсив мой.— Н. З.).

Следовательно, «посмертное письмо», излагающее теоретические выводы, т. е. какое-то философско-политическое завещание Огарева, действительно существовало, но не дошло до нас, как и критический разбор брошюры Маццини и многие другие теоретико-философские работы Огарева.

〈Конец февраля — 15 марта 1865 г.〉

Cher ami.

Il y a longtemps que je me propose de vous adresser une série de lettres*, faisant un livre, mais j'étais indécis. Je cherchais un cadre pour y placer quelques idées que j'ai besoin d'exprimer avant de mourir et je pensais ne pas trouver de forme plus sympathique que celle de lettres adressées au seul individu que j'aime et j'estime parmi les hommes théoriquement opposés à mes convictions. Votre «adresse au pape» m'a confirmé dans mon projet.

Certes, je suis au moins aussi contraire que vous à l'Encyclique; mais tout en ayant reconnu l'insuffisance de l'esprit mort, vous n'avez pas reconnu l'esprit nouveau. Vous avez fait ce que vous reprochez aux autres; vous avez même fait plus ** que de prendre la forme pour l'esprit, vous avez confondu les choses avec les mots. Vous avez pris des mots, dont vous ne vous êtes pas rendu compte, pour les choses, que vous n'avez pas [compri <ses>] [précisées] définies. Vous avez pris la corruption des hommes pour de la théorie matérialiste et le principe de la vertu, qui n'est que la condition réelle*** de la vraie relation sociale, pour du spiritualisme. Vous vous êtes efforcé de haïr la matière, qui n'est qu'un mot, et d'adorer l'esprit, qui n'est qu'un mot, ce qui vous a fait dire des vérités, qui ne sont pas la [déduction] conséquence de vos principes, et des principes, qui n'ont pas de vérité, parce qu'ils n'ont pas de réalité. Pour moi, qui n'ai pas d'amour pour la matière ni de haine pour l'esprit, mais qui ne reconnais que ce qui est, je vois avec une profonde douleur, que l'homme politique, qui est le seul que j'aime et j'estime parmi les hommes de ce monde, tout en brisant la vieille église, s'efforce de mettre à sa place**** des idées indéterminées qui [n'auront pas de succès] [ne remplaceront pas la doctrine qui passe] ne pourront tenir lieu ni de religion ni de science parce qu'il<leur> manque l'esprit du temps nouveau, c. à d. [l'intelligence] la conscience de la réalité.

Au nom de cette douleur, qui est sincère, je vous demande la permission de vous adresser et de vous dédier une polémique d'ami et les convictions d'un homme indépendant.

Автограф (черновой). ЛБ. Г.—О. VI. 34. Зап. книжка № 11, лл. 21—23.

Перевод*****:

〈Конец февраля — 15 марта 1865 г.〉

Дорогой друг.

Уже давно намереваюсь я направить вам серию писем*****, которые составили бы книгу, но был в нерешительности. Я искал плана для изложения некоторых мыслей, которые я испытываю потребность высказать прежде чем умереть, и мне думалось,

* Далее зачеркнуто: sous le titre de lettres à un idéaliste. Против этого места на обороте предыдущего листа рукой Герцена написано: Я не сказал бы: lettres à un idéaliste, а просто — à Mazzini.

** Слово plus переделано из слова pis (возможно рукой Герцена). Против этого места на обороте предыдущего листа рукой Герцена написано вместо: fait pis — fait plus.

*** Слово réelle вписано над зачеркнутыми латинскими словами: sine qua non. Против этого места на обороте предыдущего листа рукой Герцена написано: condition réelle.

**** Далее зачеркнуто: des échafaudage(s) de mots. Над зачеркнутым вписано и, в свою очередь, зачеркнуто: quelque chose. Против этого места на обороте предыдущего листа рукой Герцена написано: échafaudage (2 нрб).

***** Перевод этого и следующего письма выполнен автором публикации.

***** Далее зачеркнуто: под названием письма к идеалисту. Против этого места на обороте предыдущего листа рукой Герцена написано: Я не сказал бы: письма к идеалисту, а просто — к Маццини.

что я не найду более подходящей формы, чем форма писем, обращенных к единственному человеку, любимому и уважаемому мной среди тех людей, чьи теоретические убеждения противоположны моим. Ваше «Послание к папе» утвердило меня в моем намерении.

Конечно, я, по меньшей мере, такой же противник энциклики, как и вы; но, хотя вы и признали недостаточность мертвого духа, вы духа нового все же не признали. Вы сделали то, в чем сами упрекаете других. Вы не только приняли форму за сущность, но более* того, вы смешали суть вещей со словами. Вы приняли слова, в которых не отдали себе отчета, за суть, которой не** определили. Вы приняли людскую испорченность за теорию материализма, а нравственное начало, которое является лишь

ПРОВУЖДЕНИЕ ИТАЛИИ

Автолитография О. Домье, 1859 г.

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

естественным*** условием истинно социальных отношений, за спиритуализм. Вы силились ненавидеть материю, которая всего лишь слово, и поклоняться духу, который всего лишь слово, что привело вас к высказыванию истин, не вытекающих из ваших принципов и принципов, в которых нет истины, потому что в них нет реальности. Что касается меня, то, не испытывая ни любви к материи, ни ненависти к духу, а признавая лишь то, что есть, я с глубокой скорбью вижу, что современный деятель, единственный, кого я люблю и уважаю среди людей политического мира разрушая

* Слово более переделано из слова хуже. Против этого места на обороте предыдущего листа рукою Герцена написано вместо: хуже того — более того.

** После слова не зачеркнуто: а. поняли б. уточнили

*** Слово естественным вписано над зачеркнутыми латинскими словами: sine qua non (непременным условием). Против этого места, на обороте предыдущего листа, рукою Герцена написано: естественным условием

старую церковь, силится утвердить на ее месте* неопределенные идеи, которые** не смогут заменить ни религии, ни науки, ибо они лишены духа нового времени, т. е. *** сознания реальности.

Во имя этой искренней скорби я прошу у вас разрешения адресовать и посвятить вам дружескую полемику и суждения независимого человека.

2

⟨Весна 1865 г.⟩

Cher ami, mon post-scriptum va être un avant propos. Vous m'avez témoigné tant d'amitié dans notre dernière entrevue que je tiens plus que jamais à vous dédier un travail, qui n'a [encore ni forme, ni précision] pas encore de forme, pour lequel je n'ai fait que préparer quelque matériel, mais qui n'en fait pas moins la question la plus intime de ma vie [ou bien du peu de temps qui me reste à vivre]. Je vous avais écrit une lettre à ce sujet immédiatement après avoir lu votre [réponse à l'encyclique] adresse au pape. Je ne vous l'avais pas envoyée; je craignais qu'elle ne mette du froid entre nous. Mais je vous demande sincèrement pardon pour cette pensée, car c'est impossible que vous puissiez prendre ma lettre en mauvaise part. C'était mal de ma part d'avoir eu cette pensée de malade. Plus je [pense à] vous [et] connais—plus je sens que nous ne pouvons différer dans nos tendances pratiques; s'il y entre des différences ce n'est pas dans les *tendances* [pratiques] mêmes, mais bien en ce que les *choses* auxquelles les tendances sont applicables sont différentes; la situation, les questions qui agitent nos patries, leurs moyens sont autres. Mais dans le sens le plus sérieux de la *théorie* — nous sommes complètement opposés. Or, d'après ma nature, la *théorie* a été toujours la chose la plus vitale de mon existence et pour le peu d'années qui me restent à vivre elle me tient principalement à coeur. Vous concevez donc que la différence dans nos convictions sur ce chapitre me donne un profond chagrin, mais ne peut influencer ni sur [l'unanimité] l'accord de nos tendances pratiques, ni sur [la grande affection que j'ai pour vous et] l'inébranlable sympathie que je vous porte. Je me décide donc de vous envoyer ma lettre telle que je vous l'avais écrite après la lecture de votre brochure, en ajoutant maintenant qu'il est très probable que dans mon travail je ne fasse aucune polémique contre vous; je pourrai me borner à vous adresser l'exposition dogmatique de ma théorie. Je crois même que je suis plutôt capable de ce genre de travail, que d'un travail de polémique. Mais comme il se passera bien du temps avant que je ne vienne à bout de mettre quelque chose en ordre, je ne suis pas sûr de la forme que je choisirai.**** J'ai foi en ce que malgré toutes les divergences elle ne fera qu'affermir notre amitié.

Автограф (черновой). ЛБ. Г.—О. VI. 34. Зап. книжка № 11, лл. 25—26.

Перевод:

⟨Весна 1865 г.⟩

Дорогой друг, мой постскрипtum превращается в предисловие. Вы мне выказали столько дружбы во время последнего нашего свидания, что мне более чем когда-либо захотелось вам посвятить труд, не имеющий***** еще формы, для которого я только

* Далее зачеркнуто: нагромождение слов. Над зачеркнутым вписано и, в свою очередь, зачеркнуто: нечто. Против этого места на обороте предыдущего листа рукою Герцена написано: нагромождение ⟨2 нрзб⟩.

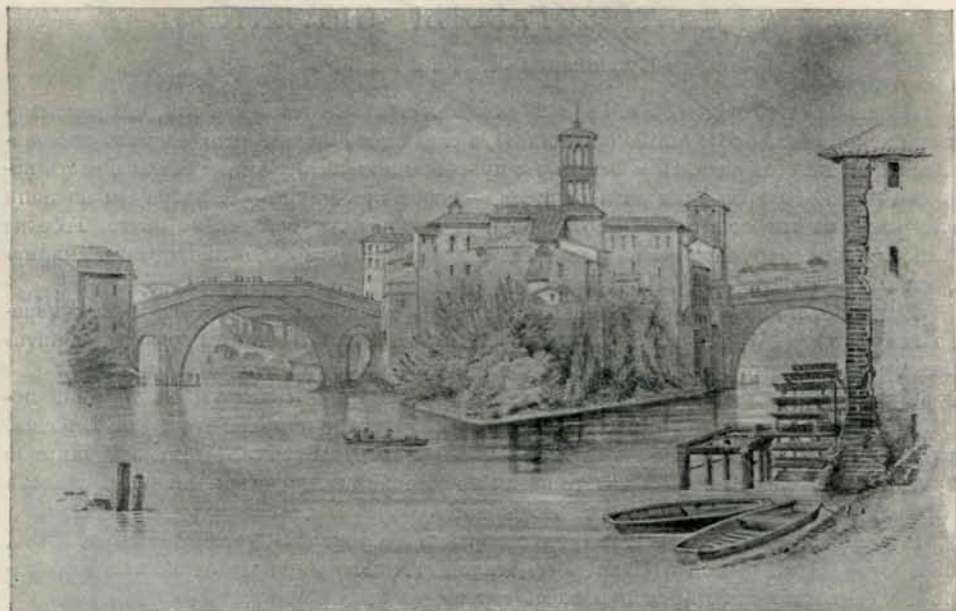
** Далее зачеркнуто: а. не будут иметь успеха б. не заменят преходящую доктрину

*** Далее зачеркнуто: понимания

**** Ранее читалось: [Voici donc ci-joint ma première lettre. J'ai foi en ce qu'elle ne servira qu'à affermir notre sympathie].

***** Далее зачеркнуто: еще ни формы, ни ясности

РИМ. ВИД НА ТИВР И НА ОСТРОВ ТИБЕРИНО

Рисунок неизвестного художника. 1840-е гг.

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

подготовил некоторые материалы, но который, тем не менее, является заветнейшим делом моей жизни*. Я вам написал по этому поводу письмо, тотчас по прочтении вашего** послания к папе. Я его вам не отправил; я опасался, как бы оно не вызвало охлаждения между нами. Но я искренне прошу у вас извинения за эту мысль, ибо невозможно, чтобы вы истолковали мое письмо в дурном смысле. Нехорошо с моей стороны было допустить такую нездоровую мысль. Чем больше я вас узнаю, тем больше чувствую, что мы не можем расходиться в наших [практических] устремлениях; если расхождения и возникают, то не в самих *устремлениях*, но скорее в силу того, что *вещи*, к которым эти устремления приложимы, — различны: положение, вопросы, волнующие наши отечества, их средства — иные. Но в отношении *теории*, в самом серьезном значении этого слова, мы с вами совершенно противоположны. А теория — соответственно моей натуре — всегда была самой жизненно важной стороной моего существования, и в те немногие годы, которые остается мне еще прожить, она по-прежнему будет особенно близкой моему сердцу. Вы, следовательно, поймете, что разница наших убеждений в этой области] глубоко меня печалит, но не может ни повлиять на согласие*** в наших практических устремлениях, ни**** поколебать симпатию, которую я к вам питаю. Я решаюсь, поэтому, послать вам свое письмо, таким, каким я написал его сразу по прочтении вашей брошюры, добавив теперь, что по всей вероятности я не стану в моем труде полемизировать с вами; возможно, что я ограничусь догматическим изложением своей теории. Я даже думаю, что более способен к работе такого характера, чем к полемике. Но так как пройдет немало времени, прежде чем мне удастся привести кое-что в порядок, я еще твердо не знаю, какую форму выберу*****. Я верю, что, несмотря на все разногласия, оно только укрепит нашу дружбу.

* *Далее зачеркнуто*: или того недолгого срока, который мне осталось жить.** *Далее зачеркнуто*: ответа на энциклику*** *Слово согласие вписано над зачеркнутым* единство.**** *Далее зачеркнуто*: на большую любовь, которую я к вам питаю.***** *Ранее читалось*: Итак, я прилагаю к сему мое первое письмо. Я верю, что оно послужит только укреплению нашей симпатии.